

— Ничего страшного, — Чжаоян успокаивающе улыбнулась ей. — Здесь планы развития на ближайший год, посмотри.

Дела в приграничном городе уже вошли в свою колею. Раз уж Чжун Цин временно прекратила боевые действия против Бэйди, основные усилия следовало сосредоточить на развитии города и укреплении армии.

Внимание Чжун Цин ожидаемо переключилось на бумаги. Су Ицзянь разжал пальцы, отпуская её руку, и благодарно улыбнулся Чжаоян.

Неизвестно, что именно Юаньбао наговорил Сяхоу И по возвращении, но спустя некоторое время император прислал щедрые награды, провиант и жалованье для войска. Однако для самой Чжун Цин всё это уже не имело никакого значения.

Приходил от Сяхоу И и указ, призывающий её в столицу. Но, во-первых, обстановка на границе была слишком напряжённой, а во-вторых, сама Чжун Цин не горела желанием ехать, так что дело сошло на нет.

Ситуация на границе постепенно налаживалась. Прогуливаясь по улицам и видя ряды торговых лавок, Чжун Цин всякий раз испытывала подъём. Су Ицзянь отправил весточку в Долину Медиков, и ответ пришёл быстро: оттуда прибыло множество учеников для прохождения практики, которые помогли открыть здесь медицинские клиники.

В эти дни Су Ицзянь был занят сверх меры, как, впрочем, и Чжаоян. Чжун Цин старалась помогать, но её навыки лежали в иной плоскости, поэтому многое приходилось делать лично Чжаоян.

К тому же в недавних сражениях Армия Вэйюань понесла немалые потери, и множество дел, связанных с утешением семей погибших и реорганизацией, легло на плечи Чжун Цин. Если подсчитать, они с Су Ицзянем не виделись уже целый месяц.

Ученики из Долины Медиков давно знали о чувствах своего старшего брата к генералу Армии Вэйюань. Они не только радовались тому, что их старший брат-людоед наконец-то сможет найти себе пару, но и втихомолку заключали пари: когда же он наконец покорит эту ледяную генеральшу?

Поэтому, завидев Чжун Цин, они с воодушевлением проводили её к покоям Су Ицзяня. Ничего не поделаешь: весь этот месяц, не видясь со своей возлюбленной, старший брат стал невыносимо раздражительным, и вся братия жила под его гнётом, боясь лишний раз вздохнуть.

Сплошная печаль!

Чжун Цин: ...

Когда её привели к двери, она с усмешкой наблюдала, как ученик, доставивший её сюда, едва указав на комнату, пулей умчался прочь.

До такой степени напуган... Когда он рядом со мной, этого совсем не скажешь.

Она постучала, но ответа не последовало. Чжун Цин помедлила, а затем толкнула дверь.

Су Ицзянь лежал, уткнувшись лицом в стол. В руке он всё ещё сжимал кисть, а под глазами залегли глубокие синие тени — он забылся тяжёлым сном.

На его лице расплылось чернильное пятно. Чжун Цин, усмехнувшись, вышла, принесла таз с горячей водой, намочила полотенце и осторожно стёрла чёрные следы. Должно быть, совсем вымотался за эти дни.

Видимо, почувствовав прикосновение, Су Ицзянь сонно приоткрыл глаза. Увидев перед собой Чжун Цин с полотенцем в руках, он машинально озарил её нежной до предела улыбкой.

Хотя на его лице всё ещё оставались следы чернил, Чжун Цин почувствовала, как что-то внутри неё необъяснимо дрогнуло.

— А-Цин, — Су Ицзянь постепенно приходил в себя. Он с недоверием смотрел на неё, стирающую чернила с его лица. Значит, не сон.

— М-м.

— А-Цин.

— Что?

Су Ицзянь перехватил её руку с полотенцем и подался вперёд.

— Я ведь не сплю?

— Нет.

Последние слова утонули в их поцелуе.

Как хорошо светит солнце. Как хорошо, что ты есть.

\*\*\*

## 27. Экстра: Закатные колокола и барабаны

Когда Юаньбао вернулся, он привёз не Чжун Цин, как надеялся Сяхоу И, а лишь увесистую стопку писем.

— Это она написала? — Сяхоу И с гневом смотрел на бумаги. Смеет не подчиниться указу! Поистине, она ни во что его не ставит. — Где она сама? — спросил он, не приступая к чтению.

— Это... — Юаньбао с трудом подбирал слова. — Ваше Величество, сперва взгляните на это.

Сяхоу И подозрительно уставился на него. Что за игры?

Юаньбао наблюдал, как лицо императора меняется: от ярости к изумлению, а затем — к мертвенной бледности. В душе он тяжело вздохнул.

— Это правда? — спросил Сяхоу И, глядя на бумаги в своих руках.

— Раб не смеет утверждать, — Юаньбао склонил голову. — Но я расспросил младших офицеров: несколько месяцев назад в Армии Вэйюань действительно не хватало провианта, и они понесли огромные потери.

Когда-то, стремясь укрепить трон, Сяхоу И взял в наложницы дочь премьер-министра, но по какой-то причине долго не назначал её императрицей. Вероятно, она потеряла терпение и решила расправиться с Чжун Цин.

Теперь, когда Сяхоу И как раз искал повод ослабить влияние премьер-министра, перед ним лежали неопровержимые доказательства измены и сговора с врагом. Казалось бы, он должен радоваться, но первой его мыслью была Чжун Цин.

Снега, холод, отсутствие еды и подкрепления... Как она выстояла?

— А... что было потом? — голос Сяхоу И дрожал.

— Позже на помощь прибыла тётя генерала Чжун, которую та не видела много лет, — Юаньбао вспомнил ту женщину с пронизательным взглядом. Если бы не она...

— Ваше Величество, — начал Юаньбао, но осёкся.

— Искать! Немедленно всё разузнать! — Сяхоу И сжал бумаги так, что костяшки побелели. — Чтобы никто не узнал!

— Слушаюсь.

Тайные стражи сработали быстро. Через два дня у него было всё. В отличие от сдержанных записей Чжаоян, донесения стражей были до ужаса откровенны.

На следующее утро Сяхоу И явился на аудиенцию с доказательствами, без тени эмоций огласил вину премьер-министра и тут же вынес приговор: конфискация имущества и казнь всего рода до девятого колена.

Тем временем он отправил гонцов с провиантом и наградами для Армии Вэйюань. А дочь премьер-министра приказал заточить во дворце — он хотел, чтобы она собственными глазами видела гибель своей семьи.

Когда всё было кончено, он наконец нашёл в себе силы навестить её.

— Ваше Величество, — женщина, стоявшая перед ним, высохла до костей. От её бывшего высокомерия не осталось и следа, лишь глаза горели неестественным блеском. Увидев императора, она вдруг рассмеялась. — Пришли проводить меня в последний путь? — в её голосе не было ни капли страха. — В таком случае, благодарю за визит.

Сяхоу И молчал, глядя на неё холодным взглядом. Последние дни он почти не спал, занимаясь делом премьера, поэтому его раздражительность достигла предела.

— Держу пари, вы жалеете, что когда-то взяли меня в жёны.

— Но я не жалею. То, чего не могу получить я, не достанется и другим, — её улыбка становилась всё шире, переходя в безумие.

Сяхоу И помрачнел, в глазах вспыхнул гнев.

— Это я перехватила письма Чжун Цин с просьбой о помощи. Это я приказала задержать её обозы, — она словно не замечала его ярости. — Но чем вы лучше меня? Если бы вы хоть немного заботились о ней, разве могли бы не заметить этого? Слышала, в Армии Вэйюань poleglo сорок тысяч человек. Неужели они не снятся вам в кошмарах?

— Замолчи! — Сяхоу И впился пальцами ей в горло. Он не хотел этого слышать! Не хотел знать, сколько людей погибло из-за его слепоты!

— Она... ненавидит... вас, — она не сопротивлялась, лишь из последних сил выдохнула это.

Сяхоу И вздрогнул и разжал руки.

— Ха-ха-ха-ха! — она смеялась до слёз. — Какая женщина согласится, чтобы в сердце её мужа жила другая?

— Я... — Сяхоу И хотел сказать, что никогда не признавался в любви к Чжун Цин, но понял, что слова застряли в горле.

— То, что вы сами не осознавали своих чувств, не значит, что другие не видели их.

Мир считал, что они враждуют, потому что Чжун Цин стала слишком влиятельной. Если бы она сама случайно не увидела, как Сяхоу И смотрит на Чжун Цин, она бы тоже так думала. Это была глубоко спрятанная любовь, покрытая коркой льда, но настолько горячая, что это пугало.

Какая девушка не мечтает о любви? Сяхоу И был красив и могущественен, она тоже попала в его сети. Но конец оказался трагичен. Она всегда боялась: что будет, если однажды он поймёт, кого любит на самом деле?

— Я уже сказала: то, чего не могу получить я, не достанется и другим, — успокоившись, она посмотрела на него с пугающим спокойствием. — Сяхоу И, мне жаль тебя.

Сяхоу И содрогнулся, руки бессильно опустились.

— Мне жаль тебя. Желаю тебе вечно терять то, что любишь.

Сяхоу И бежал из той комнаты, словно от чумы. Он не хотел слышать, не хотел знать.

Вернувшись, он часами сидел в тишине, пока слуги не сообщили, что она удавилась. Он лишь оцепенело кивнул.

Спустя долгое время он закрыл лицо руками и тихо, надрывно рассмеялся. Он сам навлёк это на себя. Никого винить.

Провиант Чжун Цин приняла, но награды вернула в целости и сохранности. Ни на одно его письмо не пришло ответа.

Но он продолжал писать, пока однажды не пришло известие о её свадьбе. В тот день он напился до беспамятства.

В пьяном сне он увидел Чжун Цин — бледную, измождённую. Она раз за разом посылала людей искать обозы, но не получала вестей. Пока звёзды в её глазах не погасли, пока она не увидела, как её воины гибнут один за другим. Пока в её глазах не осталось ничего, кроме жгучей, въевшейся в кости ненависти.

Она ненавидела его за высокомерие и нежелание видеть очевидное. За то, что из-за его пустых слов Армия Вэйюань понесла невосполнимые потери. За то, что он никогда не верил ей.

Как она могла предать его?

Но больше всего она ненавидела себя — за то, что когда-то поверила правителю, за то, что была такой глупой и погубила людей вокруг себя.

Во сне Чжун Цин держалась долго. Даже без еды, без оружия. Пока её верный заместитель, которого он когда-то видел, не закрыл её собой, пока её люди не пали рядом с ней. Она держалась до последнего, ведь за её спиной были люди, которых она поклялась защитить. Как она могла отступить?

Пока город не пал, пока её тело не пронзили тысячи стрел.

Даже во сне Сяхоу И чувствовал, как сердце разрывается от боли. Тысячи стрел... как же это должно быть больно!

Это его вина. Его гордыня, его комплексы. Он никогда не хотел опустить голову, чтобы взглянуть на правду, и погубил свою единственную любовь.

В конце сна он увидел, как мужчина в чёрном бросился к Чжун Цин, закрывая её спиной от ливня вражеских стрел.

Сяхоу И проснулся с криком, обнаружив, что его лицо залито слезами. Он закрыл лицо руками, и рыдания наконец вырвались наружу.

С тех пор его мучили кошмары. Он видел погибших воинов, спрашивающих, почему он их погубил, но ни разу... ни разу он не увидел во сне Чжун Цин.

Бессонные ночи иссушили его. Юаньбао, не зная, что делать, нашёл высокого монаха из Храма Защиты Государства и умолил его поговорить с императором.

Он пошёл. В храме он впервые за долгое время обрёл покой. С тех пор у него вошло в привычку раз в месяц уединяться в храме.

Прошло больше десяти лет. Бэйди снова пошли войной. На этот раз молодой генерал по имени Чжун Моли проявил невероятную доблесть, взяв голову вражеского командира посреди десятитысячного войска.

Он вернулся с победой!

Сяхоу И жаждал увидеть этого юношу. Чжун Цин не желала покидать границу, а он не мог отправиться туда сам. Он уже однажды причинил ей боль, как он мог снова нарушить её покой?

Лишь когда войска вернулись в столицу, он наконец увидел Чжун Моли. Его глаза были точь-в-точь как у Чжун Цин, но в них светилась нежность, которой у неё никогда не было.

Сяхоу И щедро наградил его, но даже не заикнулся о том, чтобы оставить его в столице. Когда Юаньбао спросил почему, он ответил: Чжун Моли не захочет жить в столице среди интриг, он предпочтёт остаться на границе, в армии.

Чжун Моли не понимал, почему император смотрит на него с такой печалью, но был счастлив, что может не оставаться в столице. Люди рода Чжун рождены для армии.

В тот день Сяхоу И снова пришёл в храм. Спустя столько лет он наконец увидел Чжун Цин во сне.

Это было в его детстве. Он был нелюбимым принцем, но у него был знаменитый наставник. Маленький, замкнутый и гордый, он страдал от того, что мать была низкого происхождения, а отец-император его не жаловал. Но у него был товарищ по играм — единственный наследник Армии Вэйюань.

В тот день, под палящим солнцем, его наказали, заставив стоять на месте целый час. Чжун Цин всё это время стояла перед ним, глядя на него без эмоций. Тогда он, полный спеси, счёл это величайшим оскорблением. Но спустя много лет он понял: Чжун Цин тогда была намного выше его, и, стоя под солнцем, она хоть немного закрывала его своей тенью.

Как он мог сомневаться в ней? Как мог не верить ей?

Когда он проснулся, небо уже темнело. Раздался колокольный звон храма.

Он долго сидел в оцепенении, а потом вдруг рассмеялся. Смеялся, пока слёзы не залили лицо.

За окном по-прежнему звучали колокола, начался мелкий дождь.

Закрыв глаза, он словно услышал слова, которые Чжун Цин сказала ему в ту ночь, когда он взошёл на престол:

— Я помогу тебе. Всё, чего ты хочешь, я помогу тебе получить.

Но теперь всё изменилось.

Закатные колокола и барабаны — каждый удар приближает старость...

\*\*\*

28. Гу Ино

— Старшая госпожа!

— Старшая госпожа!

Высокая женщина в чёрном быстрым шагом шла по коридору. Длинные волосы до плеч собраны на затылке, чёрный плащ до икроножных мышц скрывал стройную фигуру. Её черты лица были изящны, но во взгляде читалась острота, способная пронзить сердце. Сейчас её фениксовы глаза были слегка прищурены, а сама она стремительно поднималась по лестнице.

— Старшая госпожа, — старик в простом халате ждал её у дверей комнаты. Увидев женщину, он наконец выдохнул. — Вы наконец вернулись.

— Дядя Цюань, как отец? — женщина заглянула в приоткрытую дверь и понизила голос.

— Это... — старик с тревогой посмотрел в сторону комнаты. Выражение его лица было мрачным. Увидев это, сердце женщины пропустило удар. Неужели...

— Старшая госпожа, пусть лучше врач сам вам расскажет, — в глазах дяди Цюаня читалась скорбь. Он боялся, что на этот раз хозяин не выкарабкается.

— Старшая госпожа, — семейный врач вышел из комнаты и тихо прикрыл дверь. — Состояние господина в целом стабилизировалось, но... сможет ли он прийти в себя, я не знаю.

Этот врач работал на клан Гу много лет, был надёжен и обладал прекрасными навыками.

— Старшая госпожа, — дядя Цюань с тревогой посмотрел на неё. Если с хозяином что-то случится, как же она справится одна?

— Я войду к отцу, — женщина утешительно похлопала дядю Цюаня по плечу. — О состоянии отца — ни слова наружу. Скажите, что это лёгкое недомогание. Особенно тем, кто живёт в этой вилле. Дядя Цюань, сейчас особое время, следите в оба.

— Слушаюсь.

Услышав твёрдый и уверенный голос женщины, старик почувствовал, что у него появилась

опора.

— Эти дни я поживу здесь, — сказал врач. В нынешней ситуации находиться снаружи небезопасно.

— Благодарю.

Она толкнула дверь. Человек, который всегда был полон энергии, теперь лежал неподвижно. Женщина не сдержалась и опустила взгляд. Она только что разобралась с восстанием, как пришло известие, что отец снова потерял сознание, а теперь — такая весть. Даже она, всегда отличавшаяся стойкостью, почувствовала, как усталость наваливается на плечи.

— Старшая госпожа, — дядя Цюань вдруг заглянул в комнату, и на его лице промелькнула радость.

— Дядя Цюань, что случилось? — недоумённо спросила она.

— Я только что вспомнил: перед тем как потерять сознание, хозяин получил письмо от родни госпожи. А семья госпожи — известные мастера медицины. Может, стоит попробовать?

— Письмо... — глаза женщины блеснули. — Где оно?

— Вот, — старик достал из-за пазухи конверт. — Я бережно его хранил, но в спешке совсем забыл.

Женщина поспешно вскрыла письмо. Перед глазами предстал изящный, уверенный почерк. В письме лаконично сообщалось, что автор скоро приедет, а с помолвкой Ино стоит повременить до её прибытия. Подпись — два иероглифа: Чжаоян.

— Чжаоян? — прошептала Гу Ино. Она знала, что брак её родителей не был принят семьёй матери, поэтому мать никогда о них не упоминала. Прошло столько лет, и она ничего не знала о родне матери. Поэтому она понятия не имела, кто такая эта Чжаоян.

— Говорят, это старшая сестра госпожи, — дядя Цюань, видевший, как росла Гу Ино, понимал её недоумение. — То, что вы не слышали о ней, неудивительно. Когда госпожа познакомилась с хозяином, семья воспротивилась, и они уехали в Шанхай. Лишь недавно переписка возобновилась. По словам хозяина, у госпожи была договорённость с семьёй, что... — тут он замаялся, глядя на Гу Ино. — Что помолвка старшей госпожи должна быть организована семьёй матери.

Гу Ино приподняла бровь. Её помолвка? Неудивительно, что отец недавно говорил о женихе, а потом всё затихло.

В письме, помимо прочего, говорилось, что она прибудет в Шанхай пятого апреля и просит встретить её на пристани.

Пятое апреля... Гу Ино прищурилась. Это же завтра? Но она никогда не видела эту Чжаоян, не знала о ней ничего. Как же завтра её узнать?

— Дядя Цюань, — обратилась она к нему, — есть ли ещё письма, которыми обменивались отец и она? Может, там найдутся подсказки.

— Это... — старик покачал головой. Письма хранил только хозяин, и он не знал, где они лежат.  
— Старшая госпожа, зачем вам это?

— Я просто хочу знать, как она выглядит, чтобы завтра встретить её.

<http://bllate.org/book/22151/2307554>